

ПОНЯТИЙНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В данной статье мы продолжаем методологический поиск в области концептуализации гендерных отношений в российском обществе (Здравомыслова, Темкина, 2002; Здравомыслова, Темкина, 1997; Темкина, Роткирх, 2002). Сначала мы обращаемся к краткому обзору структурно-функционального и социального-конструктивистского подходов в гендерном анализе. Затем мы проясняем систему категорий, используемых для анализа гендерных отношений в рамках объединительной (структурно-конструктивистской) парадигмы. Мы предлагаем свою интерпретацию терминов *гендерный порядок*, *режим*, *уклад*, *контракты* применительно к контексту советского общества.

1. *Структурный функционализм* выступил в качестве влиятельной парадигмы, которая породила различные социологические интерпретации гендерных отношений. В 1940—1950-х годах Т. Парсонсом было сформулировано положение о функциональности разделения половых ролей. Это положение легло в основу поло-ролевого подхода к анализу гендерных отношений. Согласно данному подходу, семья периода модерна образует социальную систему, в которой женщина выполняет экспрессивную роль, а мужчина — инструментальную. Экспрессивная роль заключается в установлении внутреннего баланса в семье, это роль домохозяйки, инструментальная — в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль кормилица, добытчика (Parsons and Bales, 1955). Эти положения впоследствии подвергались критике со стороны феминистских исследователей. Основные аргументы критиков заключались в том, что данная модель носит нормативный характер; она игнорирует действие механизмов власти в гендерных отношениях, и соответственно не может объяснить сопротивление сложившемуся гендерному порядку и его возможные изменения; в данной модели проявляется принцип «натурализации» отношений между полами (Коннелл 2000: 266). Тем не менее, поло-ролевой подход, получив широкое распространение, позволил применить понятия половых

*© Здравомыслова Е., Темкина А., 2003

различий, социализации, ролей и статусов к интерпретации положения женщин и мужчин в обществе. Конкретные исследования выявили напряжение половых ролей и кризисные тенденции в американской семье, и соответственно, конфликты мужественности и женственности (Kotagovsky, 1964; Pleck, 1981).

На последующую интерпретацию гендерных отношений оказали влияние общие положения структурного функционализма: интерпретация общества как системы интегрированных, взаимосвязанных частей, каждая из которых выполняет функцию, необходимую для стабильного существования целого. Система социальных институтов, организованных вокруг социальных функций, регулирует социальные действия и отношения. Эти положения оказали двойственное воздействие на интерпретацию гендерных отношений. С одной стороны, анализ институциональной детерминации положения женщин и мужчин в обществе повлиял на разработку понятия *гендерная система*. С другой стороны, критики поставили под сомнение жесткую структурную детерминацию половых ролей, подчеркивая значимость действующего лица — агента — в формировании гендерного порядка.

С 1970-х годов феминистские исследователи на Западе используют понятие *поло-гендерная система*, под которым понимается набор механизмов, посредством которых общество преобразует биологический «материал» половой жизни и воспроизводства человека в конвенциональные формы социального взаимодействия (Рубин, 2000: 91, 96). Гендерные системы являются устойчивыми, их реконструкция позволяет понять, как воспроизводятся социально организованные отношения между полами. Употребление этого термина отсылает нас к традициям структурного функционализма и привлекает внимание к изучению структурной организации общества и социальных институтов. Американская исследовательница-антрополог Гейл Рубин, анализируя поло-гендерную систему, опирается на структурализм К. Леви-Стросса, марксистский и психоаналитический подходы. Марксизм, заново прочитанный феминистскими теоретиками, позволяет связать поло-гендерную систему с историческим процессом и отношениями собственности (Рубин, 2000: 130) (дальнейшую интерпретацию эта связь получила в теории «двойных систем» Хейди Хартманн). Психоанализ позволяет распознать структуры бессознательного, воспроизводящие иерархию отношений между полами в рамках социальных институтов.

Используя понятие *поло-гендерная система*, феминистские исследователи утверждают, что социальная организация пола в современном обществе покоится на социально навязанном разделении полов, обязательной гетеросексуальности, разделении предписаний на женские и мужские, ограничении женских прав и социальном контроле женской сексуальности. В исследованиях 1990-х годов, в первую очередь в Скандинавии, термин *гендерная система* занял достаточно прочные позиции.

Дальнейшее развитие категориального аппарата гендерных исследований было связано с *конструктивистской критикой* структурного функционализма и концептуализацией повседневности как измерения общественной жизни. Конструктивистский подход, опирающийся на работы А.Шуца, П.Бергера и Т.Лукмана, И.Гофмана, Г.Гарфинкеля, смещает акценты социальной теории на микроуровень и повседневные взаимодействия (подробнее см.: Здравомысловая, Темкина, 2001). Предметом изучения становится публичный порядок или правила взаимодействия в общественных местах. Гендерные отношения рассматриваются как социально и культурно производимые в конкретных социальных ситуациях. Рамки социального взаимодействия, в которых осуществляется производство и воспроизводство гендера, определяются как *«гендерный уклад»* (gender arrangement). (Уэст, Зиммерман, 2000; Kessler, McKenna, 1978). На микроуровне *«гендерный порядок»* (gender order) или уклад проявляется как публичный порядок социальных взаимодействий, организованных по формальным и неформальным правилам.

Впоследствии понятия *«гендерный уклад»* и *«гендерный порядок»* приобрели более широкий и одновременно достаточно неопределенный смысл, они часто используются как взаимозаменяемые. На макроуровне *гендерный порядок* рассматривается как система неравенства и дифференциации, связанная с позициями разных групп мужчин и женщин в разных сферах экономики, политики и частной жизни. Гендерные отношения регулируются определенными правилами, существуют устойчивые, но подвергающиеся изменениям механизмы их воспроизводства.

Дальнейшая концептуализация связана с применением *объединительной методологии* П.Бурдые и Э.Гидденса к анализу гендерных отношений. Сочетание структурного и конструктивистского подходов позволяет понять взаимообусловленность структурных условий и социальных действий, принимаемых активными действующими

ми лицами. Исследователи обращаются к интерпретации индивида как стратегически действующего агента, к изучению того, «что люди делают, когда они конструируют социальные отношения, в которых живут» (Коннелл, 2000: 275). Понятие *стратегия* становится ключевым для преодоления разрыва разных уровней анализа: на макро- и на микроуровнях. Предметом изучения становятся индивидуальные и групповые стратегии, ограниченные институциональными условиями и изменяющие их. Под стратегией понимается совокупность практических действий, ориентированных на реализацию цели и использующих различные ресурсы. При этом практики могут быть рефлексивными в разной степени, часть из них воспроизводится осознанно, часть — на основе повседневного неартикулированного знания, накопленного в течение жизни индивидов.

Используя объединительный подход и феминистскую методологию, австралийский исследователь Роберт Коннелл вводит понятие *«гендерной композиции»*, обозначающее совокупность повседневных практик и структурных условий. Он отказывается от использования термина *«гендерная система»* в связи с необходимостью концептуализации подвижных и гибких элементов взаимодействия структур и практик. Гендерная композиция складывается как мозаика различных стратегий в конкретных исторических контекстах социального взаимодействия (Connell, 1987: 116-117).

На уровне общества в целом гендерная композиция может быть представлена как относительно устойчивый *«гендерный порядок»*, закрепленный в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами (Connell, 1987: 98-99). Эти образованные социальные институты и практики. На уровне отдельных социальных институтов гендерный порядок проявляется в различных *«гендерных режимах»*. В качестве примеров Коннелл приводит гендерные режимы таких социальных институтов, как школа, семья, государство, подростковое сообщество, локализованные взаимодействия в рамках городского пространства и пр.

При структурном анализе гендерного порядка/режима исследователи пользуются теми же категориями, что и при анализе общества в целом. Выделяются публичная и приватная сферы; в публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере — предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения.

При этом в каждой из этих сфер гендерные отношения воспроизводятся и изменяются в результате взаимодействия структурных условий и практик, в них формируются и поддерживаются представления о мужественности и женственности, гендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, проблематизирующие и изменяющие гендерный порядок.

Итак, «гендерная композиция», по мысли Коннелла, может стать понятием, способствующим преодолению методологического разрыва между *структурным* и *практическим* уровнем концептуализации общества. Этот термин призван связать анализ институционально (объективно) заданных условий социального действия и повседневных практик действующих лиц. Однако нам представляется, что термин «композиция», метафорически точно выражая суть подхода, имеет мало шансов прижиться в гендерной теории. Многие социологи, разделяющие подход Коннелла, избегают использования этого термина и предлагают свои варианты обозначения. В разных текстах мы обнаруживаем смысловую близость между такими понятиями, как *гендерная композиция*, *гендерный уклад* и *гендерный порядок*.

Так, немецкая исследовательница Биргит Пфау-Эффингер, проводя кросскультурные сравнения, использует понятие «*гендерный уклад*», определяя его как систему координат, созданную гендерной культурой (ценностями, идеями и идеалами), гендерной системой (институтами), социальными практиками и коллективными действиями. Гендерный уклад изменяется в ходе конфликтного взаимодействия и переговоров социальных акторов. «Социальные практики и структуры гендера концептуализируются как результат сложного взаимодействия гендерной культуры, институтов и социальных акторов» (Пфау-Эффингер, 2000: 25-27). Английская исследовательница Сара Ашвин, вслед за Коннелом, использует категорию *гендерный порядок*, обозначая им взаимообусловленность социальных институтов и гендерных идентичностей (Ашвин, 2000). Отметим, что аналитический аппарат гендерной теории не является устоявшимся, продолжается поиск наиболее адекватных терминологических средств для описания исследовательского поля.

В рамках объединительной парадигмы претерпевает изменения концептуализация *гендерной системы*. Система гендерных отношений в настоящее время рассматривается большинством исследователей не только на макро-, но и на микроуровне, не только на уровне структур, но и на уровне практик (Strompton, 1999; Renzetti,

Sitapan, 1992; Lijestrom 1993, 1995). Таким образом, гендерная система понимается как многоуровневый феномен, включающий символы-репрезентации мужественности и женственности; нормативные концепции (религиозные, правовые, образовательные, научные), которые создают интерпретации значений символов; социальные институты и организации, регулирующие поведение; субъективную идентичность. Посредством этих социальных механизмов мужчины и женщины разделяются на две социальные категории, обозначающие асимметричные отношения (Скотт, 2001). Согласно определению Рензетти и Куран, гендерная система представляет собой институционализованные предписания, определяющие модели поведения и социального взаимодействия в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; полное разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные роли; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно — другие (Renzetti & Sitapan, 1992: 2, 16).

Для описания гендерной системы скандинавские феминистки используют термин «гендерный контракт», привлекая внимание к социальной политике государства благосостояния 1960-70-х годов, при которой гендерные роли и репрезентации перопределялись под воздействием общественных движений и публичных дебатов. Так, шведская исследовательница Ивонн Хирдман определяет гендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*, регулирующих отношения между мужчинами и женщинами на уровне представлений, а также формальных неформальных правил и норм (Hirdman, 1991: 190-191). Гендерные контракты представляют собой доминирующие в обществе типы гендерных практик и репрезентаций. Финская исследовательница J. Ранталайхо рассматривает контракт как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами, в т.ч. принадлежащими к разным поколениям (Rantalaaho, 1994: 14). В современном обществе гендерные контракты зависят от разделения труда в публичной и приватной сферах. В соответствии с гендерным контрактом определяется, в частности, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства, уход за детьми и престарелыми в семье и за ее предела-

2. Итак, мы используем понятие «гендерный порядок» для анализа гендерных отношений, во-первых, на уровне общества в целом и, во-вторых, в отдельных сферах / институтах. В первом значении понятие близко к *гендерной композиции*, а также к современному пониманию *гендерной системы*. Во втором значении понятие сходно с термином *гендерный режим*.

Мы определяем советский гендерный порядок как этакратический, подчеркивая, что социалистическое государство выступает основным агентом гендерного принуждения через законодательство, систему социальной политики и партийную идеологию (Здравомыслова, Темкина, 2002). Изучение советского гендерного порядка предполагает, во-первых, анализ государственной политики в отношении категорий граждан, определенных по признаку пола, и, во-вторых, исследование разнообразных жизненных *стратегий*, вырабатываемых в ходе взаимодействия с государственными структурами. Индивидуальные, семейные и групповые стратегии формируются на основе знания явных и скрытых правил игры, характерных для советских социальных институтов. Вслед за Ш.Фишпатрик, мы называем эти социальные действия стратегиями подчиненных или реактивными стратегиями, во многом подобных стратегиям рабов, колонизированных народов, этнических меньшинств и других угнетенных групп (Фишпатрик, 2001а; Фишпатрик, 2001б). Такие стратегии создавались и воспроизводились в повседневной жизни, с их помощью советские люди приписывали государственную политику к своим нуждам. Стратегии менялись в зависимости от политико-исторического контекста.

Поскольку советское государство выступало главным агентом создания советской повседневности, периодизация этакратического гендерного порядка основывается на выделении этапов советской гендерной политики. Вслед за другими авторами, мы рассматриваем три этапа: этап дефеминизации и политической мобилизации женщин (1918 — начало 1930-х годов), этап стабилизации этакратического контракта — «работающая мать» (1930 — 1950-е), этап политической либерализации и кризиса этакратического гендерного порядка (середина 1950-х — конец 1980-х).

Для этакратического гендерного порядка характерна гегемония гендерного контракта *работающая мать*, который консолидировался к середине 1930-х годов, когда было провозглашено решение «женского вопроса» (Айвазова, 1998, 2001; Тартаковская, 1997; Дра-

ми (неработающая мать, обеспечиваемая мужем; наемные работницы, оплачиваемые из доходов обоих супругов; старшие родственники, государство через систему детских учреждений и пр.).

Изменения гендерных отношений 1960-70-х годов в США и в Западной Европе описываются скандинавскими исследователями как трансформация доминирующих контрактов. В этот период на смену *контракту домашней хозяйки*, господствовавшему вплоть до 1950-х годов, приходит *контракт равенства полов* (Hirdman, 1991; Rantalaaho, 1994: 13). Данные изменения были обусловлены массовой занятостью женщин, социальной политикой, развитием нового женского движения потребительского общества. В 1970-х годах были изменены налоговые системы и законодательство, касающиеся ответственности за детей, создавались детские учреждения и дома для престарелых, модернизировалось домохозяйство, развивались система питания за пределами дома и пр. Новая интерпретация гендерных ролей в рамках контракта *равенства* была закреплена политической *государственной феминизма* (Gelb, 1989).

Термин *гендерный контракт* проблематизирован феминистскими критиками теорий общественного договора. Как указывает К.Пэйтман, современное (западное) гражданское общество, конституируемое общественным договором, является патриархальным. Этот договор закрепляет принципы *мужского братства*, или мужского порядка, в котором все граждане (т.е. мужчины) получают равные права, преодолев патриархальную субординацию между *отцом и сыном* (Rateman 1988). При этом правила либерального общественного договора сохраняют другой аспект патриархальных отношений, а именно воспроизводят вторичный статус женщин. Традиционные отношения в браке, распределение обязанностей в семье, разделение труда в публичной и приватной сферах предстают как добровольный общественный контракт равноправных агентов. Однако имплицитно этот общественный договор всегда основывается на *системе гендерной иерархии*, подкрепленной идеологией *естественного предназначения полов*. Отношения между полами регулируются *ад-хок*, т.е. выстраиваются на основании традиционных эссенциалистских взглядов. Вследствие того, что в теориях общественного договора подчиненный статус женщин не ставился под сомнение, феминистские исследователи, использующие термин *гендерный контракт*, обращают свое внимание в первую очередь на положение женщин в обществе, тем самым, озвучивая ранее умалчиваемое (Hirdman, 1991; Rantalaaho, 1994).

вомыслова О., 2001, Здравомыслова, Темкина, 1997; Мещеркина, 2001, Здравомыслова О., Арутюнян, 1998; Темкина, Роткирх, 2002). Правила советского гендерного контракта были заданы государством, которое предписывало советской гражданке участие в общественно-полезном труде и общественной работе; деторождение, воспитание детей и уход за пожилыми; бытовое обслуживание семьи, компенсирующее недостатки социального сервиса и потребительского дефицита. Обязательства женского гражданства институционально поддерживались государственной социальной политикой, которая символически представляла как политика патримониальной отеческой заботы.

Идеологическое обоснование контракта *работающая мать* было двойственным. С одной стороны, признавались биологические репродуктивные различия и естественное предназначение полов. С другой стороны, советское материнство и общественно полезный труд женщин рассматривались как неотъемлемая составляющая коммунистического строительства. Итак, государство поддерживало особую роль женщины, задавая рамки доминирующего гендерного контракта. Советская гендерная политика рассматривала женщин как особую категорию граждан, гораздо реже как особая категория рассматривались мужчины (Kukhtepin, 2000).

При этом, несмотря на действующую государственную машину нормализации и контроля, тоталитарный идеал управления был недостижим, и конкретные люди, принадлежавшие к разным средам и социальным общностям, выработывали разнообразные жизненные стратегии. Можно выделить стратегии эмиграции, эскапизм, пассивные и активные формы сопротивления и приспособления (Фицпатрик, 2001б). Практики и стратегии этакратического гендерного порядка требуют дальнейшего изучения, здесь мы лишь обозначаем свою концептуальную позицию.

В позднесоветский период (начиная с середины 1950-х годов) ограниченная либерализация общества и приватизация частной жизни постепенно привели к ослаблению этакратии (Здравомыслова, Темкина, 2002). В результате стала более очевидной мозаичность гендерной конфигурации (Коннелл), сегменты которой регулировались разными правилами. Эта конфигурация включала и эталитарные, и традиционалистские определения женственности и мужественности, гендерных ролей и статусов.

Мы полагаем, что позднесоветский гендерный порядок может быть описан как сочетание двух типов гендерного контракта: легитимного и криминального. Правила криминального контракта не имеют легитимного характера, они преследовались советским законодательством и осуждались общественной моралью. Проституция, гомосексуальные связи — примеры повседневных практик, характерных для этого типа контракта. Правила легитимного контракта задавались государственной политикой и стратегиями приспособления к ее требованиям (запретам и возможностям). Легитимный контракт *работающая мать* подкреплялся идеологией и социальными институтами и реализовывался на уровне повседневной жизни. В условиях этакратического гендерного порядка выполнение предписаний гендерной политики предполагало использование теневых механизмов, находящихся за пределами государственного регулирования. Так, например, для поддержания баланса ролей работающая мать ограничивала себя в профессиональном продвижении, опираясь на поддержку социальных сетей и механизмы блата и взятки (Ledeneva, 1998), использовала традиционные гендерные ресурсы, необходимые для организации домохозяйства.

В период постсоветских трансформаций государство утрачивает свою конституирующую роль в конструировании гендера. На смену монополющей гендерной политики и идеологии пришли рыночные отношения, конкурирующие дискурсы и новые практики повседневности. Происходит реконфигурация существующих официальных, повседневных и альтернативных правил. Формируются новые контракты, которые артикулируют ранее скрытые в повседневности и в закрытых сообществах правила (контракты *работающей матери, женщины, ориентированной на карьеру, домохозяйки и спонсорский контракт*). Контракт работающей матери складывается как реакция на напряжение повседневности в условиях рыночных преобразований, а контракт домохозяйки может выступать либо символическим знаком материального благополучия и принадлежности к высшим слоям, либо стратегией вынужденно безработных.

Социальные различия проявляются в формировании разных гендерных укладов, характерных для разных сред и слоев общества. Понятие «гендерный уклад» уместно применять при анализе гендерных отношений в отдельных социальных слоях, общностях или средах, определяемых по принадлежности к классу, этничности, поколению, выделяемых по характеристикам стиля жизни. Современные

изменения гендерных контрактов не являются следствием направленной гендерной политики государства и политических дебатов, напротив, они становятся результатом адаптации к изменяющимся экономическим условиям и следствием предшествующего гендерного порядка.

Новые гендерные контракты не являются жестко фиксированными или исключаящими друг друга, напротив, они меняются на разных фазах жизненного цикла. Подвижность контрактов, различия между репрезентациями и практиками, наличие разных гендерных идеологий создают неустойчивость гендерных ролей, идентичностей и правил взаимодействия. Анализ преобразований гендерных контрактов подтверждает ранее высказанный нами и другими авторами тезис о том, что конкуренция старого и нового гендерных порядков создает ситуацию неопределенности и многовариантности. При этом, как мы полагаем, контракт *работающая мать* сохраняет претензию на доминирование не только в силу социально-культурной преемственности, но и благодаря структурным условиям российской трансформации.

Библиографический список

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М.: РИК Русано-ва, 1998.
2. Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций/ Под ред. М. Малышевой. М.: Асадемия, 2001. С.291-310
3. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2001. №11. С.63-72
4. Здравомыслова О, Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдитория УРСС, 1998.
5. Здравомыслова О. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций/ Под ред. М.Малышевой. М.: Асадемия, 2001. С.473-489
6. Здравомыслова Е, Темкина А. Гендерное измерение социальной и политической активности. СПб.: ЦНСИ, 1997. Вып.4.
7. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие/Под ред. И.Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С.147-173

8. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история — 2002. Специальный выпуск, посвященный гендерной истории/Отв. ред. Н.Л.Пушкарева. М.: РОССПЭН, 2002 (в печати).
9. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы/Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Д. Буланин, 2000.

10. Мешеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(Н)ственности: Сборник статей. Сост. С.Ушакин. М.: НЛЮ, 2001. С.268-286.
11. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросснационального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. №11. С.24-35
12. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы/Под ред. Е. Здравомысловой и А.Темкиной. СПб.: Д.Буланин, 2000. С.89-139.
13. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч.2: Хрестоматия/Под ред. С.Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С.405-436.
14. Тартаковская И. Социология пола и семья. Самара: Международный институт «Открытое общество», 1997.
15. Темкина А, Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России //Социс. 2002. №11. С.4-15
16. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
17. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.
18. Уэст К, Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы/Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной. СПб.: Д.Буланин, 2000. С.193-220.
19. Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся // В поисках сексуальности/Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб: Д.Буланин, 2002 (в печати).
20. Ashwin S., ed. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London; New York: Routledge, 2000.
21. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Polity Press, 1987.
22. Crompton R. Discussion and Conclusions // Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner/Ed. by R.Crompton. Oxford and NY: Oxford University Press, 1999. P.200-214.
23. Gelb J. Feminism and Politics. A Comparative Perspective. University of California Press, 1989.
24. Hirdman H The Gender System // Moving on/Ed. by Andreasen et al. Aarhus: Aarhus University Press, 1991. P.187-207.
25. Kessler S, McKenna W. Gender: An Ethnomethodological Approach. NY: John Wiley, 1978.

26. Komarovsky M. Blue-Color Marriage. NY: Vintage, 1964.
27. Kukhterin S. Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia // Ashwin S., ed. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London; New York: Routledge, 2000. P.71-89
28. Ledeneva A. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
29. Liljestrom M. The Soviet Gender System: The Ideological Construction of Femininity and Masculinity in the 70's // Gender Reconstruct in Russian Studies/Ed. by M. Liljestrom, E. Mantysaari & A. Rosenholm. Tampere: Slavia Tamperensia II, 1993. P.163-174.
30. Liljestrom M. Emanciperode till Underordning. Det Sovjetiska kons-systems uppkomst och diskursiva reproduktion. Turku: Abo Akademi University Press, 1995.
31. Parsons T. and Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. NY: The Free Press, 1955.
32. Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press. 1988.
33. Pleck J. The Myth of Masculinity. Cambridge: MIT Press, 1981.
34. Rantalaaho L. Sukupuolisopimus ja Suomen malli // Naisten hyvinvointivaltion/Ed. by A.Anttonen, L.Henriksson & R.Naikin. Tampere: Vastapaino, 1994. P.9-30.
35. Renzetti C & Curran D. Women, Men and Society. Boston: Allyn & Bacon, 1992.
36. Temkina A., Rotkirch A. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // Idantutkimus. 1997. №4. P.6-24.

Г.Брандт*

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

По России много гендеров. Широится территория охватываемых им дисциплин, растет число конференций, семинаров, научных сборников, имен авторов, исполняющих понятие в своих сочинениях. А радости нет. Есть тревога, что этот, пусть пока, слава Богу, не девятый (хотя по моему ощущению подбирается к шестому) вал сметет на своем пути, начавшаяся было десятилетие назидательное осмысление одной из самых болезненных проблем современного человека — проблемы половой идентичности.

Эта тревога проистекает от подмены термина. Конечно, за все надо платить. Гендер сыграл важную дипломатическую роль — он помог «провести» феминистские идеи (с которыми только из-за таблички невозможно было достучаться до сознания соответствующих) в российский академический исследовательский мир. Но вот и расплата. «Гендер» сегодня у нас — это все, что «гре» мужчин и женщин», сюда же «приводовь», «семью» — словом, как прямо обозначено было это в одном из старших докладов на последней гендерной конференции в Екатеринбург, он еще «все богатство отношений между мужчиной и женщиной» (Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре, 2000). Отношения же гендерных исследований с феминизмом представляются у нас часто весьма неожиданным образом. Так, на той же конференции в дискуссии была выражено убеждение, что «спокойные, тихие, взвешенные и научно обоснованные» гендерные исследования пришли на смену «сумасшедшие радикальным» феминистским. А совсем недавно в июне 2002 года на семинаре «Гендерные исследования и гендерное образование» проводимом Кубанским государственным университетом для участия ков (оба оказались мужского пола, хотя, думаю, что это не принципиально) в первые же минуты коллективного знакомства и самопредставления участников друг другу заявили, что основную цель своей работы в направлении гендерных исследований они видят в том, чтобы развести гендерные и феминистские исследования в российскийском знании.

*© Брандт Г., 2003

К. Сафаров Исмаилов

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Самара-Полтава
Центр гендерных исследований

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ 1990-х ГОДОВ

*Сборник научных статей
под редакцией Л.Н.Попковой, И.Н.Тартаковской*

Издательство «Самарский университет»
2003